

ПРОФЕССОР А.М. БИРМАН И ЕГО ВРЕМЯ

М.И. Воейков

Под таким названием в Институте экономики РАН был организован круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения профессора Александра Михайловича Бирмана. Еще совсем недавно, каких-нибудь 50 лет назад, имя Бирмана в экономической науке и в экономической публицистике гремело в битвах за хозяйственную реформу, за развертывание товарных, рыночных отношений и по праву занимало центральное место в первом ряду советских экономистов. Его многочисленные выступления в профессиональной печати, на научных конференциях и обсуждениях заметно выделялись на общем фоне. В золотой фонд российской публицистики вошли его блестящие статьи в самых популярных и престижных изданиях того времени: в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», в «Литературной газете» и др. Мало того, его можно назвать интеллектуальным лидером эпохи советского экономического романтизма 1960-х гг. Его читали, слушали, за ним шли.

Открывая дискуссию на круглом столе, директор Института экономики РАН член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг сказал: «Мне очень приятно открыть сегодняшний круглый стол, посвященный 100-летию Александра Михайловича Бирмана и его времени. Это время было очень хорошим. Я вспоминаю, что когда закончил экономический факультет МГУ в 1968 г., мне повезло – я уже начал писать кандидатскую диссертацию на кафедре Бирмана в МИНХ им. Г.В. Плеханова. Это были золотые дни. Вообще А.М. Бирман был выдающимся человеком, – продолжал

Р.С. Гринберг – Я думаю, что он человек из эпохи Возрождения. Вообще это очень интересная тема – кем был Бирман (финансистом, рыночником или человеком возрождения). Мне врезалась в память фраза Александра Михайловича, когда он говорил – чем отличается хороший экономист от плохого. Если хорошему экономисту назвать миллион рублей, он примерно должен сказать, сколько это будет цемента, духов, ботинок. Это мне очень хорошо запомнилось.

Был ли Бирман рыночником или даже монетаристом, и скрывал свою «порочную» сущность, или все-таки он таким не был? У меня сложилось представление, что Бирман, был, конечно, человеком незаурядным. Он мог любую экономическую систему представить блестяще. Но у меня все-таки есть такое ощущение, что он был прежде всего советским человеком. Потому что у советского человека многие черты были очень привлекательные. Бирман был замечательным советским человеком и действительно верил в то, что можно сочетать несочетаемые вещи, например, план и рынок. Но об этом мы можем дискутировать».

Далее с докладом выступил д.ист.н. Ю.П. Бокарев (ИЭ РАН), где охарактеризовал исторический путь формирования и развития А.М. Бирмана как ученого, мыслителя и общественного деятеля. В частности, подробно было рассказано о годах учебы Бирмана, его работе в Госплане СССР и очень непростых отношениях с тогдашним председателем Госплана Н.А. Вознесенским, преподавательской и научной деятельности в области финансов. Главное внимание в докладе Ю.П. Бокарева было уделено товарному направлению в экономической науке и роли Бирмана в идеологии реформы 1965 г. На судьбу этой реформы большое влияние оказал политический фактор, и А.М. Бирман это сполна почувствовал, когда в 1973 г. был вынужден уйти из Плехановки.

Д.э.н. М.Г. Покидченко (МГУ) согласился с мнением Р.С. Гринберга, что А.М. Бирман был «человек Возрождения». Это был высокий, красивый человек, энергичный, легкий и

приветливый в общении и блестящий оратор на профессорской кафедре. Не знаю, был ли он таким в течение всей жизни или это было его «звездное время», когда ему казалось, что начинают осуществляться его идеи о развитии рыночных элементов советской экономики. Ведь реформа 1965 г. не стала для Бирмана «социальным заказом». Напротив, она являлась для него итогом многолетних теоретических размышлений, а его публикации были в числе тех, которые подталкивали советскую экономику к такому развитию событий. Он считал, что необходимо «поставить финансовое положение промышленных предприятий в прямую зависимость от результатов их производственной деятельности». Эти идеи Бирман развивал и в своих последующих публикациях, кульминация которых пришлась на 1960–1970 гг.

Выступивший далее д.э.н. Е.Г. Ясин (ГУ ВШЭ) отметил, что у него сложились представления о Бирмане в период его деятельности по подготовке косыгинских реформ середины 1960-х гг. Много в жизни Александра Михайловича связано с этими реформами. Я думаю, что в действительности косыгинская реформа недооценена. Мы о ней практически ничего не говорим, хотя, если взглянуть с позиции сегодняшнего дня, мы могли бы добавить к пониманию косыгинской реформы и того времени очень много такого, чего тогда никак нельзя было сказать. Кажется, что оттуда прямые нити идут прямо в сегодня. Для меня Александр Михайлович был одним из самых главных идеологов этих реформ. Он был их мотором. И даже не так важно, что он писал и как он писал. Просто все знали, что в вопросах реформы высший авторитет – Бирман. И это вполне справедливо. Думаю, что Александр Михайлович понимал все. У него была колоссальная интуиция. Те, кто умеют читать тексты того времени, понимать их истину, что стоит там не только в строчках, но и за строчками, все понимали.

Выступивший затем д.э.н. Ю.Ф. Воробьев (ИЭ РАН) отметил, что косыгинские реформы были связаны с развитием демокра-

тических отношений и с переходом, между прочем, от территориального принципа к отраслевому. Но переход к отраслевому принципу управления – ужесточение централизации, которое нельзя рассматривать как элемент демократического движения. Это говорит о противоречивости реформ. Это понимал и Бирман, поскольку этот двойственный подход в его работах прослеживается. Переход от валовой продукции в качестве директивного показателя к реализованной продукции – ужесточение централизации по отношению к предприятиям. Если раньше они могли выдать свободный вал, суммируя все и вся, то сейчас нужно еще предвидеть возможности реализации продукции. Это более жесткая позиция по контролю за деятельностью предприятия.

Академик РАН В.В. Ивантер (ИНП РАН) с огорчением узнал, что А.М. Бирману – 100 лет. Я, честно говоря, несколько огорчился, когда получил эту брошюру, где написано – 100 лет. Я ученик Александра Михайловича и представляю его школу. Хороший ученик или плохой – другой вопрос. Если для многих Бирман – это прошлое и икона, для меня это – живой человек. Несколько лет назад я выступал в либерально-консервативном клубе и вспомнил, что Александр Михайлович говорил – если вы хотите хорошо зарабатывать, то торгуйте пивом, а не занимайтесь наукой. Наука – совершенно другая область. И, вообще говоря, когда защищается диссертация, то важно понять, что такое доктор наук, а уж потом – докторская диссертация.

Бирман – необычный человек, с ним было очень интересно. Он рассказывал массу интересных вещей. Когда было принято решение на верхнем уровне, что коммунизм будет через 20 лет, на заседании кафедры Александр Михайлович довольный говорит – вы знаете, это очень важное решение, потому что нам теперь понятно, что на ближайшие 20 лет у нас есть работа. Такое парадоксальное мышление. Он был оптимистом, он искренне верил в то, что все будет нормально. Как-то в начале 1982 г. я ему стал жаловаться на то, что вот в стране все сложно и трудно. Он спросил: а

чего вы так нервничаете? – 300 млн человек не могут же погибнуть, когда они еще 600 млн т нефти производят. И вы знаете, в результате всех реформ от страны все-таки что-то сохранилось.

Бирман был многосторонним человеком, – в каком смысле? Я, например, эмпирик. А он, кроме того, что был блестящий эмпирик, т.е. он до деталей знал практические вещи, он писал теоретические книги, создавал теории, но сначала он создавал и внедрял системы нормирования в промышленности. Я бы сказал так: с одной стороны, Бирман производил научные идеи и практические вещи (системы нормирования), но, кроме того, он создавал людей – специалистов. Можно по-разному относиться к его идеям. Но он подготовил колоссальное число специалистов, которые смогли работать в новой экономической ситуации. И это – бесспорно.

В целом Бирман неплохо относился к советским политическим властям. Я хочу закончить свое выступление одной его репликой. Были два вице-премьера в Советском Союзе – оба Новиковы. Я не помню, у какого из Новиковых он был на приеме. Он приехал оттуда, я спрашиваю – ну как? Он говорит – вы знаете, замечательный человек. Я так думаю, что он был бы отличным директором бандерного завода в Тамбове.

Д.э.н. В.К. Сенчагов (ИЭ РАН) поддержал общее мнение – Александр Михайлович Бирман – действительно был очень красивым человеком. Поражала его необычная манера чтения лекций. Шагая по аудитории много километров, он заводил студентов. Подкупала поразительная четкость и ясность изложения. И я бы еще добавил – «гражданское отношение». Он вводил в структуру лекций ситуационный анализ и тем самым оживлял не только свою лекцию, но всю экономическую науку. Это тоже колоссально. Дух реформаторства чувствовался в лекциях Бирмана и, естественно, в его публикациях. Но здесь остается вопрос. Трудно сказать, был ли у него действительно прямой вклад, участвовал ли он непосредственно в подготовке тех

постановлений, которые послужили основой экономической реформы 1965 г. или это более широкое влияние на всех тех, кто участвовал в подготовке документов. Но влияние Бирмана, конечно, было колоссальным.

Так кем же был Бирман – рыночником или товарником? Все-таки товарником, и не просто товарником, а товарником «в системе», он понимал товарное производство в системе советского хозяйствования. Понимал, что кроме товарного производства, существуют еще и цели развития, и другие инструменты развития, всякие структуры. Теперь их называют институтами и т.д. Здесь еще есть один вопрос, может быть, самый сложный для меня. И это вопрос о первичности и взаимоотношении материальных и стоимостных потоков. Я не знал изречения Бирмана, что за каждым миллиардом рублей стоит нефть или еще какая-то продукция. А он понимал это взаимодействие. Работая уже в Минфине, мы постоянно подчеркивали активную роль финансов. Но здесь один из авторов доклада пишет, что должна быть диктатура финансов и денег. Я думаю, что идею диктатуры финансов и денег не надо приписывать Бирману. Потому что экономический процесс надлежит рассматривать в совокупности. Именно диктатура финансов и денег привела к той ситуации, в которой мы находимся сегодня. Цели, задачи исходят из подвижного состояния финансов. Начинаем определять – какие финансы есть, куда их направить. А надо разрабатывать совместно, во взаимодействии – финансовые и материальные потоки. И в этом смысле мне понравилось, что Р.С. Гринберг говорил о стратегическом планировании. Абсолютно верно. Ведь речь идет не о детальнейшем планировании. Планирование должно быть в корпорации. А у государства – только стратегический план. Но сегодня общественное мнение колыхнулось в другую сторону: когда сделали программу социально-экономического развития на 20 лет вперед, там и речи о финансах не было. Обсчета финансовых ресурсов никто не делал. Сколько нужно денег через 20 лет – никто не знает. Это, мне кажется, коренной

вопрос. Против диктатуры денег почему? Потому что диктатура и привела к тому, что финансы настолько отделились от материальных потоков, превратились в значительной части в спекулятивные операции. Эта спекуляция и есть диктатура. А ее не должно быть.

Д.э.н. В.Д. Белкин (ЦЭМИ РАН) отметил: «Мне Александр Михайлович Бирман очень дорог, поскольку, когда я защищал докторскую диссертацию, то Госплан аккуратно выбивал у меня оппонентов. И надо было иметь большое мужество, чтобы быть у меня оппонентом. Александр Михайлович вызвался немедленно. Он был в курсе всех этих проблем. Помогал мне.

Уже пора в Институте экономики РАН сказать правду о косыгинской реформе. Не побоюсь теперь сказать, что эта реформа была задумана еще Н.С. Хрущевым. Для этого был создан Госэкономсовет под руководством А.Ф. Засядько, который был на ножах с Госпланом. Под руководством смешанной комиссии Госэкономсовета и Академии наук (во главе ее тогда стоял В.С. Немчинов) была подготовлена засядькинская реформа, где вводились цены единого уровня, против чего раньше возражал А.Н. Косыгин. И когда Хрущева сняли, а Госэкономсовет ликвидировали, то реформу, подготовленную в недрах Госэкономсовета, получил Косыгин. И он ее обкорнал, но, конечно, что-то осталось. И даже это «что-то» в общем дало результаты. Отрицать этого нельзя, потому что пятилетка 1965–1970 гг. была наиболее удачной: валовой продукт увеличился на 40%, а доходы населения – на 30%. Стали выплачивать нормальные пенсии, и для крестьян что-то сделали. Короче говоря, если смотреть правде в глаза, то пора Институту экономики признать, что не Косыгин был фундатором этой знаменитой реформы. Это истины, которые раньше замалчивали».

Д.э.н. В.А. Мау (Академия народного хозяйства при Правительстве РФ), включившись в дискуссию за круглым столом о монитаризме и кенсианстве, счел ее достаточно бессмысленной, поскольку каждый человек

принадлежит своему поколению, занимает свое место в истории и экономической науке. И бессмысленно в начале XXI в. критиковать выдающихся экономистов 1950–1960-х гг. Это поколение в той части, в которой оно реально занималось действительно наукой, а не словоблудием, находилось между реальными экономистами 1920-х гг., которые не верили или почти не верили в социализм, и считали, что НЭП – просто возврат к нормальной экономике. И теми экономистами, которые вынуждены были признать реалии и заявить то, что социализм принципиально не реформируется по той простой причине, что у него нет механизма принятия долгосрочных решений. Что фундаментальная проблема социализма состоит в том, что все экономические агенты заинтересованы в изъятии текущего дохода, а не в долгосрочных инвестиционных решениях. Собственно, поколение А.М. Бирмана было тем поколением, которое искало стимулы и механизмы для того, чтобы заставить социалистическую экономику работать эффективно и направить ее на долгосрочные ориентиры. Это, как выяснилось потом, действительно была попытка примирить непримиримое.

Доктор экономических наук А.Е. Дворецкая (Академия народного хозяйства при Правительстве РФ) также отдала дань великому ученому и прекрасному человеку. По ее мнению, ни до Бирмана, ни после него не было столь ярких величин в отечественной науке о финансах. О наследии Бирмана мы должны судить по законам того времени и в терминах того времени. Тем не менее, до Александра Михайловича в финансах рассматривали в основном две функции – распределительную и контрольную. Активную роль финансов стал подчеркивать в основном и в большей степени именно Бирман. Он выдвинул на первый план функцию финансов, направленную на обеспечение воспроизводства. И доказывал, что финансовый сегмент может выполнять мощную, активную, стимулирующую роль. Можно привести множество примеров, когда недостаток финансирования погубит многие планы производства, реализации, инноваций

и т.д. Сегодня закрываются федеральные программы, недофинансируются целые области.

В заключение дискуссии выступила дочь Александра Михайловича – Лариса Александровна Бирман. Л.А. Бирман поспорила с Р.С. Гринбергом о том, кем был Бирман. Он не был советским человеком. Он был патриотом. А это – разные вещи. Более преданного своей стране человека трудно себе представить. Понятие «советский человек» включает определенное рабство. Как говорил А.П. Чехов, надо выдавливать каждый день из себя раба по капле. Бирману нечего было выдавливать, в нем не было рабства. Александр Михайлович свою страну любил из всех сил и считал, что должен этой стране отдать все, что он может. И отдавал. Бирман не был популяризатором. Он был просветителем. Это совсем другое дело. Он не чужие идеи хватал, а свои идеи излагал.

Досталось от Л.А. Бирман и академику В.В. Ивантеру, который сказал, что у Бирмана с властью были очень любопытные отношения. Действительно, с властью у Бирмана были очень «любопытные отношения», потому что власть не только его боялась, но и ненавидела, как будто он был самым завзятым диссидентом. К этому были определенные послышки – ведь его статьи перепечатывали зарубежные издания типа «Борба», «Политика» и др. В буржуазной печати его называли самым выдающимся представителем советской экономической оппозиции. Как-то министр финансов В.Ф. Гарбузов издал приказ, чтобы Бирмана в здание Министерство финансов не пускали. Но и это еще не все. После статьи «Сто миллионов гасек» кто-то, а я подозреваю, что это был Н.А. Цаголов, его злейший враг и ненавистник, донес Хрущеву, и Хрущев на совещании партийного актива сказал: мы не будем торговать тоннами, как предлагает профессор Бирман. Было сказано «фас». И тогдашний главный идеолог Л. Ильичев собирает всех редакторов центральных газет и велит, чтобы фамилия Бирмана больше не упоминалась. И вот тут Александру Михайловичу перекрыли кислород. Но писать в стол он не

мог. Это был очень тяжелый период. Очень. Он был человек мужественный и выдержал. Он много занимался наукой. А потом Александр Трифонович Твардовский наплевал на все, что сказал Ильичев, и опубликовал его первую статью.

КГБ его пасло постоянно. Он два или три раза в неделю встречался с зарубежными журналистами. Естественно, переводчики получали зарплату в двух местах. После каждой беседы они составляли отчет. Его контролировали и пасли невероятно жестко. И при этом он встречался с очень крупными журналистами. Приехал как-то экономический редактор журнала «Лайф» и был дико недоволен своей поездкой в СССР. Американец ворчал – глупости какие-то говорят, и вообще невозможно ничего понять. Он встречался с очень многими людьми. Наконец, начальство, поразмыслив, сказала – устройте ему встречу с Бирманом. Журналист приехал на встречу раздраженный, проклиная свою поездку в Москву. У него на 7 часов были билеты в Большой театр. Они начали разговаривать в четыре. В шесть мальчики из КГБ напомнили: у Вас билеты в Большой театр. Он сказал – какие еще билеты в Большой театр. Я, наконец, могу написать статью о Советском Союзе. И вышла великолепная и очень позитивная статья.